

Строка в правом нижнем углу — «Места, подчеркнутые красной линией, не менять» — была особенно заметна. Зачеркнутый иероглиф «не» прятался под двумя перекрещенными черными линиями, одинокий и жалкий.

Воздух застыл на добрых десять секунд, было так тихо, что слышно было бы падение иголки.

Хэ Линь невозмутимо поднял стакан с водой и сделал глоток, будто ничто его не задело.

Он уже собирался снова взяться за сценарий, как вдруг Юй Чжо сделал большой шаг в его сторону, сел рядом и с силой положил руку ему на плечо.

— Давай-ка, братец тебя проинструктирует.

С трудными людьми, которых не успокоить, обычно бесполезно церемониться — воспитывать напрямую гораздо быстрее.

— Скажи-ка, тебе три года или пять? — Щелкнув пальцем по бумаге в руке, Юй Чжо произнес с полуулыбкой. — Талантище, в детстве, наверное, часто писал объяснительные?

Хэ Линь с полным спокойствием ответил:

— Не писал.

— Не перебивай, — рука Юй Чжо на его плече сделала движение, будто собираясь заткнуть ему рот, — по возрасту ты должен звать меня братом, поэтому, когда я говорю, ты не вставляешься. Без уважения к старшим.

Если бы Хэ Линь послушался и не стал перебивать, это был бы уже не он. В его голосе звучала легкая насмешка:

— А ты мастер налаживать родственные связи.

Юй Чжо вытащил из пакета с хлебом в его руке ломтик и сунул Хэ Линю в рот.

— Ладно, заткнись.

Юй Чжо изначально хотел как следует обсудить с Хэ Линем его поведение, но из-за этого отвлекающего маневра он забыл, о чем собирался говорить.

Он сосредоточил внимание на правке Хэ Линя.

Хотя ему не нравился самовольный поступок Хэ Линя с изменением текста, Юй Чжо все же внимательно изучил его правки.

В отличие от того случая на третьем публичном выступлении, на этот раз Хэ Линь вносил изменения не только в детали — он практически перекроил все, изменив даже общее направление.

— Что здесь не так? Что значит, все перечеркнуто? — Юй Чжо приподнял бровь. — Не хочешь сохранить лицо?

— Значит, звучит отвратительно, — безжалостно констатировал Хэ Линь. — Я думал, ты поймешь.

Юй Чжо лизнул кончик зуба, мысленно отметив, что этот человек действительно не церемонится. Он настойчиво продолжал:

— А как еще это можно сделать, если не так?

— Разве? — Хэ Линь по-прежнему не соглашался с его точкой зрения. — Вот здесь, для кого ты делаешь столько переходов?

Они посмотрели друг на друга и вдруг осознали еще одну проблему.

Они никогда не задумывались о том, кто именно будет это петь!

У каждого певца есть свои привычки в композиции, подобно языковому коду. По интонации, тембру голоса и речевым особенностям человека можно определить его личность, а по мелодии песни — распознать характерные черты исполнителя. Если бы это делал Юй Чжо, он непременно исходил бы из своих привычек: например, он не любит оставлять слишком много высоких нот на последнем отрезке. То же самое и с Хэ Линем.

Если двое работают вместе, нельзя все делать только по своим привычкам. Как и в первом публичном выступлении на «Сцене мечты», Юй Чжо должен был учитывать, сможет ли Цзя Чжиян спеть отведенную ему часть.

— Давай так: сначала мы оба успокоимся, — предложил Юй Чжо. — Иначе мы все равно ничего не сделаем.

Атмосфера снова погрузилась в тишину.

— Хэ Линь, почему тебя так трудно в чем-то убедить? — сказал Юй Чжо. — Я никогда не работал с другими так, как с тобой.

— Нет. Ты просто делаешь музыку для себя одного, а потом спрашиваешь согласия у остальных. Другие редко ставят под сомнение твои идеи, поэтому общее направление, которое ты определяешь, никогда не меняется — каждый раз правятся только детали. — Голос Хэ Линя был очень тихим. — И это ты называешь «сотрудничеством»?

У Хэ Линя всегда был талант одним словом повисшать тишину в воздухе.

— Ты и вправду... — Юй Чжо запрокинул голову, на мгновение не найдя подходящего определения.

Все, что сказал Хэ Линь, Юй Чжо и сам всегда прекрасно понимал. В какой-то степени они с Хэ Линем были в чем-то похожи.

Юй Чжо редко сотрудничал с другими. Ранее на «Сцене мечты» распределение задач по аранжировкам всегда было четким: какую часть кому поручить — так и делали. Юй Чжо после правки показывал результат товарищам по команде, но те обычно не вносили кардинальных изменений, а только наперебой восхищались.

Признавая силу Юй Чжо, его товарищи по команде доверяли ему; из уважения к старшему и капитану они слушались его. Лишь единицы осмеливались оспаривать аранжировки Юй Чжо, и даже если такие находились, он легко мог их переубедить. Конфигурация с большим количеством членов класса F также означала, что способности команды Юй Чжо к аранжировкам были слабее, чем у других команд. В условиях нехватки времени было вполне

естественным поручить всю работу над композицией Юй Чжо.

Таким образом, в команде Юй Чжо всегда можно было отчетливо увидеть его стиль: стоило зазвучать вступлению, и зрители сразу понимали, что это команда Юй Чжо.

Хэ Линь, когда приходил в тренировочный зал для инструктажа, как-то отметил это:

— Вы показываете мне пятерых Юй Чжо, а не команду.

Но остальные не видели в этом ничего плохого. Хотя аранжировки Юй Чжо основывались на его собственных изменениях, они в значительной степени давали им возможность проявить себя — более того, зрителям вообще неважно, чей стиль слышен в песне в целом.

Хэ Линь был прав.

— Юй Чжо, мы сотрудничаем, — разумно указал Хэ Линь. — А не пишем каждый свое.

Он долго ждал ответа Юй Чжо, и ему начало казаться, что тот по-прежнему не согласен с его мнением. Хэ Линь нахмурился и сказал:

— Если у тебя есть другие мысли, можешь их высказать.

Не знаю, из-за ли затянувшейся паузы или по другой причине, но в воздухе вдруг повисла едва уловимая двусмысленная атмосфера, прекрасно гармонировавшая с улыбкой в глазах Юй Чжо.

— Эх, малыш, значит, ты хочешь сказать... — Юй Чжо с наигранной досадой вздохнул, а в глазах его играла насмешка, — ...что ты мой первый настоящий партнер по сотрудничеству?

То есть все остальные не в счет?

Хэ Линь слегка опешил, но быстро пришел в себя.

— Если ты услышал меня, — проигнорировав его поддразнивание, сказал Хэ Линь, — тогда давай сейчас снова посмотрим на эту песню.

* * *

Работа над заглавной песней Юй Чжо продвигалась ни быстро, ни медленно, а в это время Лу Фэйбай только что получил известие.

— Разве не было решено, что это буду я? — недовольно потребовал Лу Фэйбай. — Что значит «взять слово обратно»?

Работы режиссера Сюй Сичжэ всегда были в центре внимания индустрии. Создать музыку для его фильма — все равно что получить ключ от храма, о чем каждый только мечтает.

Сейчас эта возможность была в его руках, вызывая зависть бесчисленного множества людей.

Поэтому он специально нашел оригинальный роман, выбрал известные цитаты из него и опубликовал их в Weibo. Не нужно было много говорить — люди сами догадаются. Этот поступок Лу Фэйбая был равносителен своего рода официальному анонсу и вызвал немалый ажиотаж в сети.

Вскоре почти все узнали, что Лу Фэйбай будет писать заглавную песню для «Момент

тишины». Песня и фильм еще даже не вышли, а множество поклонников уже наперебой рассказывали, что обязательно пойдут посмотреть этот фильм.

Вся сеть обсуждала, что Лу Фэйбай будет работать над заглавной песней «Момента тишины», и теперь ему говорят, что режиссер Сюй хочет сменить человека!

Как можно спокойно отнестись к тому, что жирный кусок улетает прямо из-под носа?

— Фэйбай, — сказал агент, — режиссер Сюй тоже не ошибся. Тогда он лишь сказал, что если не найдется подходящего кандидата, то рассмотрит эту возможность для тебя. Окончательного решения действительно не было...

— Режиссер Сюй искал так долго и не нашел подходящего человека, а теперь вдруг нашел? — Лу Фэйбай совершенно не верил этим словам и настаивал на том, чтобы ему все объяснили четко и ясно. — Так скажи же, кого он нашел?

Агент хотел что-то сказать, но сдержался, и в конце концов, по настоянию Лу Фэйбая, он вздохнул и нерешительно произнес:

— Режиссер Сюй считает, что Юй Чжо и Хэ Линь соответствуют его требованиям. Несколько дней назад он лично поехал приглашать их.

Он сделал акцент на слове «лично», надеясь, что Лу Фэйбай осознает реальность.

— Юй Чжо... — Лу Фэйбай повторил эти два имени. — ...и Хэ Линь?

Агента звали Ян Жунлэй, он работал в компании уже несколько лет. Лу Фэйбай был первым артистом, которого он привел к популярности, и между ними, так или иначе, были какие-то чувства. Ему было тяжело видеть разочарование Лу Фэйбая, и он сказал:

— Фэйбай, возможностей не одна эта.

— Хэ Линя ладно, — Лу Фэйбай знал, какое место Хэ Линь занимает на современной музыкальной сцене, но Юй Чжо он вообще не мог понять. — Почему снова Юй Чжо? В чем я ему уступаю?

— Ты что, забыл, — напомнил ему Ян Жунлэй, — что до своего ухода из индустрии Юй Чжо тоже был весьма силен.

— Устаревшее явление, — усмехнулся Лу Фэйбай. — Сейчас времена давно изменились. Более того, режиссер Сюй предъявляет такие высокие требования к качеству саундтрека — как он может выбрать его?

<http://bllate.org/book/15300/1359421>